

*А.М. ПИВОВАРОВ*

## **СОЦИОЛОГИЯ ТЕЛА В ПОИСКАХ СВОЕЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ<sup>1</sup>**

*Аннотация.* Автор статьи ставит проблему статуса социологии тела в качестве самостоятельной субдисциплины, выдвинув предположение о том, что сегодня это название лишь объединяет спектр социологических направлений, занимающихся исследованием отдельных теоретических и прикладных вопросов, связанных с телесностью. Проведенный обзор позволяет зафиксировать тенденцию фрагментации исследовательской области социологии тела и укрепления ее статуса в качестве рубрики исследований, а не полноправного направления социологической науки. С целью уточнения предметной области социологии тела и ее соотнесения с другими дисциплинами, изучающими телесность, в статье анализируются три классификации теорий, используемые в Body Studies, — философская, антропологическая и социологическая. В качестве обозначения противоположных исследовательских программ в социологической классификации теорий тела, в отличие от других исследователей, автор считает наиболее адекватной оппозицию структурализм/интерпретативизм.

*Ключевые слова:* социология тела; body studies; телесность; дилемма структура/действие; структурализм; интерпретативизм.

**Для цитирования:** *Пивоваров А.М.* Социология тела в поисках своей идентичности: анализ исследовательских программ // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 4. С. 9–27. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6814

---

**Пивоваров Александр Михайлович** — кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии культуры и коммуникации, Санкт-Петербургский государственный университет.

**Адрес:** 199034, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, к. 302.

**Телефон:** +7 (921) 795-60-34. **Электронная почта:** a.pivovarov@spbu.ru

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-33-00020-ОГН «Сексуальность и жизненный путь: социальные траектории, модели и практики».

Выражаю глубокую признательность профессору В.В. Козловскому, руководителю исследовательского проекта, участие в котором послужило причиной написания статьи, а также неизвестным рецензентам, прочитавшим предыдущие варианты этого текста и сделавшим важные замечания, без учета которых работа не могла быть опубликована.

Изменение отношения человека к собственному телу является центром немалого числа продолжающихся социальных трансформаций, охвативших общества по всему миру во второй половине XX века. Среди них: всеобщее распространение консьюмеризма и новых практик заботы о теле, виртуализация социальной жизни, демографические сдвиги вследствие развития медицины и биотехнологий, усиление роли экологических, феминистических и ЛГБТИ-движений и многие другие. Потребности науки в теоретическом осмыслении последствий этих трансформаций способствовали возникновению междисциплинарного социогуманитарного направления — исследований телесности<sup>2</sup> (Body Studies), которые за последние три десятилетия из некогда периферийного направления превратились в отдельную и общепризнанную область мировой науки, составляющую содержание университетских курсов, крупных конференций и многочисленных публикаций. Изучение проблематики телесности также давно признано одним из наиболее перспективных векторов исследований в социологии, как с точки зрения анализа социальных изменений (возникновение новых социальных практик, структур, общностей и неравенств), так и с точки зрения развития социологической теории [11; 36; 60; 61; 66; 77; 83 и др.].

Современная теория телесности формируется в пространстве взаимовлияния многих социальных и гуманитарных дисциплин, и научные проекты, посвященные данной теме, нередко сочетают социологическую, антропологическую, историческую, философскую, психологическую и культурологическую перспективы. Несмотря на это в научной литературе утвердились названия направлений исследований, претендующие на субдисциплинарную самостоятельность, среди которых стоит назвать историю тела (см., например: [18]), философию тела (см., например: [23; 33]), антропологию тела (см., например: [50]), психологию телесности (см., например: [48]). В этом же ряду заявляет о себе и социология тела, проблеме субдисциплинарного статуса которой и посвящена эта обзорно-аналитическая статья.

В первой части статьи мы коротко обозначим основные вехи истории социологии тела, промежуточным итогом развития которой является отмечаемая нами ситуация неопределенности идентичности этого направления исследований. Во второй части проводится обзор институционально признанных областей социологии, изучающих отдельные аспекты телесности, что, на наш взгляд, позволяет говорить о фрагментации предметной области социологии тела и укреплении ее статуса в качестве рубрики исследований, а не полноценной социологической субдисциплины. В третьей части анализируются некоторые классификации теорий, используемые в Body studies, а именно: философская, антропологическая и социологическая; это позволяет, по мнению автора, прояснить тот ракурс рассмотрения телесности, который отличает собственно социологический подход от остальных, существующих в этом междисциплинарном поле исследований.

#### **Краткая история развития социологии тела**

Считается, что социология тела как направление исследований берет свое начало в работе Брайена Тёрнера «Тело и общество» (1984) [83], в которой он, соединив концепции таких классиков социологической науки, как Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс, Н. Элиас, И. Гофман с идеями М. Фуко, Ф. Ницше, К. Маркса и феминистских теоретиков, предложил оригинальную социологию-

---

<sup>2</sup> Из существующих определений этого понятия наиболее приемлемым нам представляется следующее: «Телесность — это тело человека, наделенное социокультурными и общественными смыслами, с помощью которых оно может преобразовывать окружающий мир и преобразовываться под воздействием общественных и культурных факторов» [39, с. 22].

ческую теорию тела, в которой поддержание устойчивости социальной системы ставится в зависимость от решения задач по управлению телами людей. Спустя год свет увидела книга Джона О'Нила [73], в которой анализируются пять типов тел — глобальное, социальное, политическое, потребительское и медицинское, обозначающих способы использования тела как ресурса для утверждения и легитимации основных социальных институтов современности. Еще один британский специалист, внесший существенный вклад в формирование социологии тела как области исследований, — Майкл Фезерстоун, опираясь на марксистскую критику общества потребления, анализировал ту роль, которая в постиндустриальном мире отведена телу в качестве средства дальнейшей экспансии капиталистической экономики и консьюмеризма [58]. Среди авторов, ставших «классиками» социологии тела, стоит также отметить канадского исследователя Артура Франка, предложившего модель (комплементарную модели Б. Тернера), которая описывает процесс конструирования общества на основе телесных техник, возникающих в комбинациях влияний дискурсов, институтов и корпоральности [60]. В числе наиболее значимых работ в данной области специалисты единодушно упоминают книгу Криса Шиллинга «Тело и социальная теория» (1993), в которой автор предлагает рассматривать тело как одновременно биологический и социальный феномен, трансформирующийся в результате участия индивида в социальной жизни.

После бурного всплеска второй половины 1980-х — начала 1990-х гг. (закономерным результатом которого стало появление в 1995 г. журнала “Body and Society” при участии тех же Б. Тернера и М. Фезерстоуна) активная теоретизация, связанная со стремлением вернуть в социологию тело как целостный объект анализа [61; 59], в значительной мере достигнув этой цели, сменилась концептуализацией отдельных аспектов телесной жизни, чаще всего в перспективах других социологических субдисциплин, о чем речь пойдет ниже.

Социология тела стала активнее развиваться в двух других направлениях [64]. Одни исследователи стали заново обращаться к работам классиков социологии — К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера, П. Бурдьё, И. Гофмана и др. — и реинтерпретировать их в «корпоральных терминах» [81; 85]. Главный вывод, который был сделан в результате этой работы, заключался в том, что вопреки сложившимся убеждениям в основе исследований большинства отцов-основателей социологии лежит понимание исключительного значения телесной воплощенности взаимодействующих индивидов [76], а само тело на протяжении всей истории развития социологии никогда полностью не исчезало из поля зрения исследователей общества, но занимало статус само собой разумеющегося или «незримо присутствующего» [70; 77] компонента социальной жизни.

Другой тренд развития социологии тела заключался в непринятии абстрактных теоретических построений вместе с устойчивым превалированием в них структуралистских взглядов [64] (сложившихся под влиянием в первую очередь идей М. Фуко и Т. Парсонса и продвигаемых Б. Тернером). Отход от них означал обращение исследователей к изучению реального живого опыта и телесно воплощаемых намерений взаимодействующих индивидов [70; 85], а также открытость влияниям других дисциплин — феминистской теории, семиотики, культурной антропологии, психоанализа и др. [64; 65].

Для этой линии исследований ориентиром «в качестве ресурса интуиций осмысления телесности» [25, с. 64] стали идеи феноменологической философии Мориса Мерло-Понти (1908–1961), согласно которому тело является основой человеческой интенциональности, подлинным субъектом восприятия, «часовым, стоящим у основания слов и действия» (цит. по: [6, с. 65]). Феноменологически

ориентированные исследователи стремились перенаправить внимание социологии от тела как реифицированного объекта к телу, являющемуся субъектом приобретения знания, чувственного опыта и интенциональных действий [70; 85]. Это привело к появлению как бы двух социологических направлений изучения телесности<sup>3</sup>: структуралистски ориентированной социологии тела и феноменологически ориентированной «телесной социологии»<sup>4</sup> [54].

«Феноменологический сдвиг», начавшийся во второй половине 1990-х гг., укрепил сближение социологии тела с другими дисциплинами, изучающими телесность в попытках найти решения классических дилемм гуманитарных и социальных наук. Однако такая телесная социология, тяготея в сторону междисциплинарности, не только «оставляет стержневые проблемы социологического анализа тела относительно нетронутыми» [64, р. 303] (наиважнейшие из которых вращаются вокруг дилеммы действие/структура), но и лишает определенности свою собственную предметную область.

Попытки решения дилеммы структура/действие с помощью концепта телесности/телесной воплощенности (“embodiment”) шли как по линии реинтерпретаций теоретических конструкций таких классиков социологии, как П. Бурдьё, Э. Гидденс, Н. Элиас [78; 64; 77], так и по пути создания оригинальных моделей, среди которых, по-видимому, наиболее разработанной является концепция «телесного реализма» К. Шиллинга [80; 10]. Эти работы и бурные дискуссии вокруг них (пример одной см. в серии публикаций [56; 64; 65; 79]) создали предпосылки для того, чтобы социология тела «вместо обычного становления в еще одну субдисциплинарную область» [81, р. 2] стала позиционировать себя как методологическая перспектива, способная приблизить социальных исследователей к преодолению фундаментальных теоретических проблем, таких как дуализм разума и тела, субъекта и объекта, действия и структуры, культуры и природы и проч.

О настоящем положении социологии тела свидетельствуют следующие факты. На 2019 г. в Международной и Европейской социологических ассоциациях (ISA и ESA) отсутствуют исследовательские комитеты с названием «Социология тела» (в первой из них есть комитет RC54 с названием «Тело в социальных науках»). В программе крупнейшей в области телесных исследований международной конференции «Конструируя тело в XXI веке», относительно недавно прошедшей в Университете Питтсбурга (2016), при всем тематическом разнообразии секций и представленных в ней докладов<sup>5</sup>, насколько мы можем судить, отсутствует упоминание социологии тела [12; 41].

Нам также ничего не известно о существовании англоязычного учебника («хэндбука») по социологии тела. На фоне великого разнообразия публикаций в области

---

<sup>3</sup> Различия понятий “body” и “embodiment” отсылает к этим двум противоположным системам взглядов. В противовес термину “body”, имеющему коннотацию физического объекта, подвергаемого контролю и дисциплине, сложно переводимый термин “embodiment” описывает «то, как субъект переживает мир через свое тело» [75, р. 122], понимаемое в данном случае как «важнейшее измерение человеческого Я» [66, р. 16]. Понятие “embodiment” нередко используется для проблематизации наследия картезианского дуализма [85, р. 3].

<sup>4</sup> Этот термин имеет в англоязычной литературе по крайней мере три вариации обозначения: “carnal sociology” [55], “corporeal sociology” [65] и “embodied sociology” [85].

<sup>5</sup> Страница программы конференции в интернете: URL: <http://www.body.pitt.edu/conference-program> (дата обращения 02.04.2019).

исследований телесности, словосочетание «социология тела» содержится лишь в названии одноименного ридера (2008) [68], монографии К. Крегана (2006) [53], двух научных сборников 1993 и 2006 годов издания [76; 84], а также некоторых статей (например: [71]).

В нашей стране исследования телесности до недавнего времени были представлены работами, в которых в основном развивается социально-философский и культурно-антропологический подходы к этой теме [3; 21; 23; 24; 27; 42]. Отечественных публикаций непосредственно по социологии тела немного, однако за последнее десятилетие ситуация стала меняться в лучшую сторону. Так, например, оригинальные исследования Е.А. Гольман [11; 13] и А.В. Ваньке [4; 5] посвящены концептуализации женской и мужской телесности. Различным аспектам телесных практик в повседневной жизни российской молодежи посвящен сборник статей под редакцией Е. Омельченко и Н. Нартовой [34]. Проблемы дискриминации по телесным признакам и дискурсивному регулированию внешности рассматриваются в работах П.В. Романова и Е.Р. Ярской-Смирновой [37], Е.А. Орех [31], Д. Литвиной и П. Остроуховой [26], И.В. Сохань [45]. При наличии относительно широкого тематического спектра отечественных социологических исследований телесности в них почти не уделяется внимание рефлексии положения социологии тела внутри исследований телесности и ее отношений с существующими социологическими субдисциплинами. Пожалуй, исключение составляет работа П. Романова и Е. Ярской-Смирновой [36], в которой речь идет о взаимоотношениях социологии тела и социальной политики как дисциплины. Стоит ли говорить, что в структуре Российского общества социологов (РОС) также отсутствует исследовательский комитет с названием «Социология тела».

Из всего этого можно сделать вывод о том, что вопреки некоторым мнениям [11, с. 26; 68, р. хii], процесс институционализации социологии тела в качестве самостоятельной субдисциплины не завершен не только в отечественной, но и в мировой социологической науке.

Более того, принимая во внимание затянувшийся период ее становления, возникает вопрос: претендует ли вообще социология тела сегодня на статус самостоятельной области социологических исследований, создающей целостное знание о значении человеческого тела для социальных явлений и процессов? Возможно, ее эволюция движется в другом направлении?

Чтобы ответить на этот вопрос с большей определенностью, мы проведем краткий обзор институционально признанных направлений социологии, достигших значительных результатов в изучении различных аспектов совместной жизни людей, связанных с их телесностью.

#### **Направления изучения телесности в социологии**

Среди немалого числа наук, занятых исследовательским освоением телесности, социология, возможно, является «чемпионом» по степени специализированности отдельных институционально признанных направлений, изучающих ее отдельные аспекты. В литературе можно встретить утверждения о том, что единой социологии тела не существует, аналогично тому, как нет единой социологии как таковой [57, р. хii; 84, р. 2]. Напротив, утверждается и приветствуется существование множественности направлений, изучающих телесность, по причине того, что «тело и телесный опыт являются многослойным, детализированным, сложным и многогранным [объектом анализа] — на уровне субъективности человека, взаимодействий, социальной организации, институциональных механизмов, культурных процессов...» [84, р. 2].

*Социология медицины* как субдисциплина возникает в период между двумя мировыми войнами и получает научное признание в 1960–1970-е гг., отражая возросшее социальное и политическое влияние медицины в обществе [2, с. 38], бурный рост медицинских и биотехнологий, а также переход физического здоровья в разряд терминальных ценностей [28, с. 257]. Необходимо отметить, что тело человека в медицинской социологии рассматривается в ракурсе проблемы социальной обусловленности здоровья и заболеваемости, в тесной связи с изучением медицины как социального института, что неизбежно ограничивает спектр вопросов, связанных с пониманием телесности как социокультурного феномена. Современная тенденция перехода к использованию термина «социология здоровья» (иногда «социология здоровья и болезни») вместо «социология медицины» [15] принципиально ситуации не меняет.

Социальные исследования биомедицины и медицинской практики являются сегодня довольно востребованной темой в отечественной социологии. В этом плане стоит отметить два выпуска журнала «Социология власти» (№ 1 за 2016 г. и № 3 за 2017 г.), а также тематическую подборку статей первого номера за 2018 г. «Вестника СПбГУ. Социология».

Социологи, занимающиеся изучением проблем здоровья и болезни, нередко признают значение социологии тела не в качестве самостоятельного направления, а в связи с обсуждением того, насколько социологическая концептуализация тела полезна для решения ряда существенных проблем медицинской социологии [70, р. 43].

Современный научный дискурс отечественных исследований телесности в значительной мере медиализирован. Об этом, например, говорит то, что концепция антрополога и философа (медика по базовому образованию) Аннмари Мол (р. 1958), изложенная в книге «Множественное тело: Онтология в медицинской практике» [30] (получившей книжную премию Британской ассоциации медицинской социологии), является важнейшим теоретическим ориентиром, с которым сверяются российские исследователи в этой области [40]. Практиографический, или процессуальный подход к телесности, который А. Мол развивает совместно с известным представителем акторно-сетевой теории Дж. Ло [29], фокусируется на изучении тел, находящихся в процессе становления, «делающихся» в многочисленных социоматериальных практиках обращения с ними и преодолевающих свою множественность в форме той или иной «сборки». При этом в качестве примеров подобного «собирания» и «делания» тела авторы рассматривают ситуации, складывающиеся с телами людей, проходящих лечение от атеросклероза [30] и гипогликемии [29]. Философско-этнографическое исследование А. Мол посвящено тому, как практически конституируется, или «делается», не тело само по себе, а заболевание тела в медицинских практиках и взаимодействиях врачей и пациентов [30, с. 21].

Немалую область пересечений социология тела имеет также с *социологией эмоций*, плодотворно сочетающей микро- и макроуровень анализа. Среди социологов, склонных к пониманию эмоций в русле интерпретативной методологии, безусловным авторитетом пользуется Арли Хохшильд, которая исследовала эмоциональную работу [63], осуществляемую в разных социальных контекстах как на уровне «поверхностного», так и «глубокого» исполнения профессиональной роли. Телесная работа, такая как управление дыханием, мимикой, жестами, особенно необходима в ситуациях намеренного (принудительного) переживания эмоций, важного для подтверждения идентичности исполнителя [44, с. 20]. Соматически укорененные аффекты имеют значение и в анализе коллективного поведения и разделяемых эмоциональных состояний, например, когда речь идет об изменении уровня энтузиазма, возникающего в ситуациях интерактивных

ритуалов, которые предполагают физическое сопresутствие индивидов, их телесную и аудиальную сонастроенность [20, с. 69].

В полемике между условными позитивистами и конструктивистами по вопросу природы эмоциональной жизни людей социология эмоций, в противовес другим сферам знания (психология, нейрофизиология и др.), естественно для себя всегда отстаивала конструктивистский взгляд, обращая внимание на то, как по-разному проявляются эмоции в разных социокультурных контекстах и ситуациях. Однако на этом пути социологи нередко игнорировали или недооценивали необходимое свойство эмоций — их телесную воплощенность. Представители так называемой «новой социологии эмоций» видят решение этой дилеммы в том, чтобы считать эмоции посредником между биологическими и социальными составляющими человеческой натуры, а также «признать эмоции в качестве телесного феномена, но при этом отказаться от позитивистской концептуализации тела» [1, с. 44].

*Феминистская социология*, выросшая из теорий и одноименного движения, ставшего в середине XX в. одним из факторов пробуждения интереса социологов к изучению телесности [60; 47], осуществила значительный вклад в концептуализацию пола и гендера, гендерных различий и неравенства, а также анализ влияния патриархатной культуры на восприятие женщинами своих тел и телесных практик. Одни феминистские теории интерпретируют женские практики работы с собственным телом как отражение подчиненного положения женщин в патриархальном обществе и выделяют два основных канона женской внешности и физической культуры — тело репродуктивное, или материнское, и тело сексуализированное, или «стройное» [13]. Сдвиг культурного канона женской телесности в сторону «стройности» объясняется, с одной стороны, в терминах женской эмансипации, ресексуализации и сопротивления патриархальному порядку, а с другой, — как результат социокультурного давления норм массовой культуры, принуждающих женщин смотреть на себя глазами мужчины [13; 35, с. 408]. Иная традиция понимания телесности, актуальная для академического феминизма, условно называемая «феноменологической», фокусируется на изучении женского тела как воплощенного субъекта, проживающего свой экзистенциальный опыт («ситуацию») и реализующего свой креативный потенциал в действии. Осознанно избираемые практики освоения и изменения тела женщинами здесь рассматриваются в качестве способа поиска, утверждения и формирования своей идентичности и своего Я, которое вместе с телом представляет стороны одного целого. Радикальные эксперименты с внешностью и модификации тела с помощью пластической хирургии «рассматриваются как ресурс для сопротивления доминирующим образцам фемининной привлекательности» [13, с. 148].

Основой феминистской социологии является теория феминизма, имеющая немало разновидностей [35, с. 368]. Наиболее востребованным вариантом в исследованиях телесности сегодня является так называемый киберфеминизм, получивший известность благодаря работам Донны Харауэй (р. 1944), работающей на стыке феминистских исследований и исследований науки и технологий (STS). Центральным концептом и образом ее рассуждений является киборг, то есть «кибернетический организм, гибрид машины и организма, создание социальной реальности и вместе с тем порождение фантазии... Киборг — это воплощение фантазии и живого опыта, меняющего то, что считается женским опытом в конце XX столетия» [49, с. 9].

Увлеченность Д. Харауэй метафорой киборга, этой «научно-фантастической утопией единства человека и машины» [43, с. 263], связана с ее стремлением не только проблематизировать границы между многими бинарными оппозициями, привычно существующими в современной культуре, но и показать, что эти гра-

ницы уже размыты. Киборг как гибридный природно-технический составной и незавершенный объект представляет для Д. Харауэй метафорическую основу новой онтологии, базирующейся на неопределенности и невозможности фиксации границ, в том числе границ между мужским и женским телом.

Еще одним направлением, которое вносит существенный вклад в изучение телесности, является *социология сексуальности*, начало которой положили новаторские исследования группы Альфреда Кинси в 1940–1950-х гг. Его опросы, несмотря на критику их репрезентативности, впервые показали более или менее реальную картину сексуального поведения американского населения. В России новатором социологических исследований сексуального поведения стал С.И. Голод [8].

Уходя от трактовки сексуальности в духе биологического эссенциализма, социологи нередко используют вместо этого слова термин «сексуальная культура» (см. например: [32], обозначающий «совокупность норм, ценностей, установок в сфере сексуальных отношений, а также соответствующих им образцов сексуального поведения» [32, с. 153], свойственных той или иной культурно-исторической общности, распространенных в той или иной социальной среде.

Рассматривая сексуальность в переплетении его биологических, социальных, культурных, эмоционально-психологических аспектов, социологи интересуются не только и не столько особенностями сексуального поведения, сколько теми социальными взаимодействиями, в которых человеческая сексуальность проявляется в своей полноте и многогранности. Романтические и интимные отношения сегодня претерпевают значительную трансформацию благодаря для сексуальной революции, которая на современном для нашей страны «гендерном» этапе характеризуется выравниванием поведенческих и мотивационных различий между мужчинами и женщинами в области сексуальной жизни [46].

Исследованиям сексуальности близка *гендерная перспектива*, сформировавшаяся в социологии в 1970-е гг. в качестве критики эссенциалистских взглядов, свойственных представителям классических социальных теорий, на природу отношений между полами и ставшая «когнитивной практикой представителей феминистского движения» [16]. Если одним из опорных понятий ранних гендерных исследований была система «пол/гендер», обозначающая социальные механизмы, которые преобразуют природную сексуальность индивидов в конвенциональные формы реализации сексуальных потребностей [38], то современные специалисты вообще не стремятся признавать разделение между полом как биологической данностью и гендером как культурной обусловленностью. Вместо этого предлагается рассматривать и пол и гендер как социально конструируемые явления. И основанием для этого служат те возможности по созданию и модификации тела, которые с недавнего времени открылись для широких масс населения. Сегодня «гендерные идентичности и половые различия неразрывно связаны с индивидуальными человеческими телами, и стало почти невозможным отделять культурное от биологического» [7, с. 153].

Одним из несомненных достижений и важным ориентиром исследований гендера и сексуальности считается перформативная теория субъективности американского философа Джудит Батлер (р. 1956), согласно которой гендер — это не вопрос сущности индивида, а вопрос его меняющегося самоощущения, реализующегося «здесь и сейчас» в телесно воплощенной линии поведения. Иными словами, гендер репрезентируется перформативно [51] и вместе с сексуальностью возникает в процессе становления, а значит, является чем-то глубоко изменчивым. При этом телесный облик как часть гендерной идентичности является, согласно Дж. Батлер, производящим смыслы «текстом», а значит, манифестацией дискурсов, выступающих проводниками властных отношений [22, с. 225].

Считается, что идеи Дж. Батлер о перформативной природе субъективности заложили основу для возникновения новейшего направления гендерных исследований, а именно квир-теории<sup>6</sup>. В центре ее внимания находится изучение сексуальных ориентаций и гендерных идентичностей, пытающихся преодолеть ограничения привычных бинарных оппозиций, таких как мужское/женское, гендер/пол, норма/девиантность. Появился такой новый концепт, как «гендер-квир» [69], фиксирующий отказ от понимания гендера на основе дуалистического противопоставления или комбинирования мужского и женского.

Если прибавить к рассмотренным направлениям *социологию спорта, социологию питания, социологию старости и старения*, которые мы не имеем возможности здесь затронуть подробно, то становится понятно, что практически все важнейшие аспекты телесной жизни человека так или иначе получили освещение (и продолжают активно изучаться) в уже институционально признанных исследовательских направлениях социологической науки. Фактически это говорит о фрагментации исследовательского поля социологии тела, в котором центробежные тенденции оказались сильнее центростремительных. Это привело к тому, что на данный момент «социология тела» является не названием для самостоятельного социологического направления, претендующего стать субдисциплиной, а собирательным термином, обозначающим широкий спектр социологических направлений, занимающихся изучением отдельных теоретических и прикладных вопросов, связанных с телесностью. С нашей точки зрения, социологи часто либо фокусируются не на теле как таковом, а на связанных с ним объектах исследования — болезнях, эмоциях, сексуальности, гендере и др., либо, изучая телесность, опираются на методологии других социогуманитарных наук.

Необходимым условием интеграции разрозненных исследований телесности в социологии является уточнение ракурса, или угла зрения, под которым социология в отличие от других социогуманитарных дисциплин смотрит на такой многообразный объект, как тело человека. Мы попытаемся уточнить предметную область социологии тела с помощью описания наиболее распространенных классификаций теорий, которые используются в *Body studies*. Это позволит сделать выводы о соотношении социологии тела с другими научными направлениями, изучающими телесность.

#### **Классификации теорий в исследованиях телесности**

Сразу отметим, что названия, которые мы даем классификациям, характеризуют их основание, но не ограничивают дисциплинарную принадлежность охватываемых ими концепций. Иными словами, философская классификация теорий может включать в себя теории как философов, так и антропологов, социологов и т. д. Кроме того, все упоминаемые классификации пересекаются по составу наполняющих их теорий. Нас будут интересовать принципы упорядочивания теорий телесности, указывающие на фундаментальные проблемы, интерес к которым определяет специфику той или иной дисциплины.

Первый подход к классификации теорий телесности можно назвать *философским*, поскольку его основанием является способ познания тела [29]. Внешний, публичный и научный (изначально — медицинский) способ познания соответствует телу-объекту. Этот образ объективированного тела-которое-у-нас-есть (*a body-we-have*) присутствует в теориях, где используется модель социального

---

<sup>6</sup> Из недавних отечественных публикаций на эту тему стоит отметить специальный пятый номер «Журнала социологии и социальной антропологии» за 2017 г.

регулирования и дисциплинирования (например, М. Фуко, М. Дуглас). В этом ракурсе тело, противопоставляемое разуму, рассматривается как объект приложения власти и контроля со стороны многочисленных социальных институтов и дискурсивных режимов. Такой внешний способ познания тела хорошо соотносится, например, с упомянутой выше структурно-функционалистской теорией «телесного порядка» Б. Тёрнера [83].

Внутренний, частный и личный способ познания соответствует телу-субъекту. Представление о теле-которым-мы-являемся (*a body-we-are*), понимание которого «находится за пределами или до языка» [29, с. 234] и возможно лишь через самоощущение, характерно для феноменологически ориентированных теорий, наследующих традицию, заложенную М. Мерло-Понти. В них тело позиционируется как то, что образует с разумом и личностью человека единое и неразрывное целое, как то, что является чувствующим, мыслящим и действующим субъектом, переживающим свой живой опыт [54]. Этот подход породил форму социального анализа, базирующегося на изучении телесно воплощенных социальных практик, примером использования которого исследователи считают работы И. Гофмана [55].

Авторы, предлагающие третью философскую перспективу рассмотрения тела, решают вопрос о том, каким образом можно преодолеть классическое противопоставление объекта и субъекта. Понятием, претендующим на снятие этого противоречия, является «тело-которое-мы-делаем» (*a body-we-do*). Тело познается с помощью разнообразных действий (совершаемых извне или самим индивидом) или способов «осуществления». Применительно к медицине такое познание тела осуществляется постольку, поскольку состояние организма измеряется снаружи, ощущается изнутри, ему противодействуют, его избегают, а также намеренно производят [29].

Концепт «тело-которое-мы-делаем» особенно соответствует тем социальным теориям, которые указывают на риск и неопределенность как на важнейшие условия, характеризующие жизнь людей в эпоху позднего модерна [71]. По выражению Э. Гидденса, важнейшим экзистенциальным измерением жизни современного человека является тотальное сомнение, а окружающий глобальный мир субъективно ощущается как существующий далеко за пределами индивидуальных возможностей контроля. В этой ситуации управление характеристиками своего тела становится наиболее доступным способом создания и поддержания непрерывности самоидентичного «Я», или самоидентичности — «постоянного чувства непрерывной духовной и телесной личности» [62, р. 55]. Продолжая гидденсовскую линию рассуждений, К. Шиллинг концептуализирует тело человека как незавершенный биосоциальный феномен, являющийся «проектом, над которым нужно работать и который реализуется как часть самоидентичности индивида» [77, р. 4].

Оппозиция натуралистический эссенциализм/социальный конструктивизм является основанием того подхода к классификации теорий в исследованиях телесности, который можно назвать *культурно-антропологическим*, поскольку проблема отношения культуры и природы в человеке фундаментальна для этой науки [47, с. 138]. Данный подход используется для классификации теорий телесности, например в работах К. Шиллинга [77].

Радикально эссенциалистская позиция, характерная, к примеру, для такой междисциплинарной науки, как социобиология, предполагает, что человеческое тело — это до-социальный биогенетический базис, над которым формируется надстройка человеческой личности, социальных отношений, социального неравенства и т. д. Натуралистическая аргументация не раз использовалась предста-

вителями феминистской теории в 1970–1980-е гг., одни из которых выступали с критикой сексистских взглядов с помощью указания на биологически незаменимую роль, которую выполняют для общества женщины [67; 72], а другие [52; 74] утверждали, что женские тела имеют «естественные» размеры и формы, которые искажаются под давлением индустрии красоты, моды и масс-медиа, распространяющих эталонные представления о женской внешности.

С одной стороны, натуралистический эссенциализм, редуцируя сложные основания социальных отношений и неравенства к данностям наследуемых характеристик, сомнителен в качестве основы для социокультурной концептуализации тела [77, р. 37]. В этом плане натуралистические взгляды, несмотря на приведенные выше примеры, являются в целом маргинальными для социологов. С другой стороны, достоинство натурализма заключается в том, что он обращает внимание на необходимость учитывать то обстоятельство, на которое указывал, например, Дж.Г. Мид, утверждая, что физическое взаимодействие биологических тел людей является для общества «структурой нижнего уровня, из которой вырастают все другие» [19, с. 17].

Социально-конструктивистская позиция, «базирующаяся на предпосылке о том, что тело является скорее рецептором, нежели, генератором социальных значений» [77, р. 62], характерна для большинства социологических моделей телесности — от постструктуралистских до интеракционистских. Их отличия заключаются в том, в какой мере они видят телесность открытой для воздействия общества, а также касаются механизмов и процессов, которые обуславливают социальную изменчивость тела [70; 82].

Недостатком социально-конструктивистских теорий является то, что, стремясь преодолеть эссенциалистские позиции, они уходят в сторону пренебрежения «корпоральностью» [60, р. 49] живого человеческого тела, которое, обладая определенной «соматической властью» [82, р. 207], значительно ограничивает формирующие воздействия знания-власти.

Не имея возможности останавливаться на этом более подробно, отметим, что в работах социальных исследователей — в том числе упомянутых выше разработчиков киберфеминизма и квир-теории — можно найти немало концептуальных вариантов объединения эссенциалистских и социально-конструктивистских взглядов относительно тела человека как одновременно социального и природного феномена.

Проведенный выше анализ показывает, что проблемы, связанные с оппозициями объекта и субъекта, культуры и природы, безусловно, имеют значение для социологии тела, но тем не менее не являются для нее центральными.

Отличие социологии заключается в том, что для нее важнейшим фокусом внимания всегда была проблема соотношения структуры и действия [7, с. 43]. Именно на ней, на наш взгляд, и должен основываться собственно *социологический* подход к классификации теорий в *Body studies*<sup>7</sup>. При этом чаще всего специалисты говорят о делении социологических концепций телесности на структуралистские, феноменологические и интегративные (объединительные) [10; 11; 64; 66; 80].

Анализ пригодности оппозиции структурализм/феноменология для систематизации теорий и исследовательских подходов в социологии тела показывает ее значимый недостаток. Александра Хоусан [66, р. 45] справедливо отмечает, что основанием «феноменологического» подхода к пониманию тела является не фе-

<sup>7</sup> Нам известен альтернативный «социологический» вариант классификации подходов, составляющий основу книги К. Креган «Социология тела» [53], автор которой систематизирует концепции в зависимости от того, как понимается в них тело — в качестве объекта, субъекта или абъекта. (Понятие «абъекции» принадлежит психоаналитику-теоретику Ю. Кристевой).

номенологическая социология А. Шюца с ее акцентом на понимании роли языка в процессах осмысления и конструирования реальности, а феноменологическая философия, в особенности работы М. Мерло-Понти с его категорией «тела-субъекта» как неделимого единства субъектности и телесности [54]. Однако то, что концепция М. Мерло-Понти может подходить для решения философской проблемы дуализма субъекта и объекта, отнюдь не означает, что она же является решением центральной для социологии дилеммы структура/действие [64, р. 307].

Для социологической классификации теорий тела в качестве обозначения противоположных исследовательских программ более подходящей является оппозиция *структурализм/интерпретативизм*, описание которой можно найти в работах И.Ф. Девятко. Структуралистские модели объяснения предполагают выявление неявной для акторов внешней детерминированности их поведения, в которой важнейшую роль играют «внеличностные структуры, создающие макросоциальный контекст действия» [14, с. 76]. Интерпретативизм как социологическая исследовательская программа, напротив, подчеркивает «конститутивную роль человеческой субъективности и целенаправленной деятельности в создании социального мира» и предполагает «истолкование социального взаимодействия с точки зрения действующих...» [14, с. 72–73]. Наряду с феноменологической философией на теорию и методологию интерпретативной социологии оказали влияние герменевтика, неокантианство, культурная (социальная) антропология. Сама интерпретативная парадигма в своей «модернистской фазе» [14, с. 68] охватывает символический интеракционизм, феноменологическую социологию, этнометодологию. По этим причинам термин «интерпретативизм» адекватнее, чем термин «феноменология», отражает разнообразие взглядов, противоположных положениям структуралистских теорий телесности.

Натурализм как вторая социологическая парадигма, в чьи задачи входит объяснение интенциональных действий индивидуальных акторов, на роль противовеса структуралистской социологии тела не подходит, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, для натурализма «наиболее существенными являются объективные последствия действий» [14, с. 72], что не соответствует пониманию телесности в тех теориях, которые принято называть «феноменологически ориентированными» и отличающимися «вниманием к личному опыту переживания и освоения тела» [13, с. 131]. Во-вторых, основываясь на утилитаристских теориях, в которых акцент сделан на объяснение рациональных действий «стремлением к благу и субъективными представлениями как о характере этого блага, так и способах его достижения» [14, с. 71], натурализм воспроизводит картезианскую традицию разделения разума и тела и ставит последнее в подчиненное положение. Тем самым натурализм мало приспособлен для того, чтобы «учитывать телесность человеческого действия и его креативность» [17, с. 175].

*Структуралистское* направление в социологии тела представлено теориями таких авторов, как М. Фуко, Б. Тёрнер, Дж. Батлер, чьи идеи глубоко повлияли на понимание того, как тело упорядочивается и регулируется властными отношениями, нормативными предписаниями и дискурсивными режимами. Данная перспектива обращает внимание на подчиненное положение людских тел по отношению к социальным системам, но ничего не говорит о природе телесно воплощенных действий индивидов и о теле как первооснове социальных отношений. Этот акцент делается в работах представителей *интерпретативного* направления — И. Гофмана, А. Франка, Х. Йоаса и других ученых, исследовавших значение непосредственного живого телесного опыта человека для выстраивания взаимодействий, менеджмента

идентичностей, получения знания о себе, реализации креативности. Наконец, третья, *интегративная*, перспектива исходит из утверждения о взаимной обусловленности социальных структур и телесно воплощенных действий, объединяя социологические представления о телесности таких мыслителей, как Н. Элиас, П. Бурдьё, Э. Гидденс, К. Шиллинг. Эти исследователи развивают идеи, согласно которым тело, с одной стороны, является носителем структур социального порядка, а с другой — именно оно позволяет человеку активно вмешиваться в конструирование социального пространства.

### **Заключение**

Как и любая обзорная статья, наша работа не может претендовать на исчерпывающую полноту описания. Тем более что социология тела, каким бы статусом она ни обладала, является сегодня одной из самых бурно развивающихся исследовательских областей, в которой попытки систематизации достигнутого заведомо отстают от актуально происходящего.

Так, например, в работах российских социологов [9; 25] развивается примыкающая к структуралистским теориям культуросоциологическая исследовательская перспектива изучения тела, опирающаяся на дюркгеймовскую теорию сакрального. В фокусе социологической интерпретации телесности в данном подходе лежит реконструирование границ сакрального и профанного, «а также потенциальные символические операции их нарушения» [9, с. 477].

Представленный во второй части статьи обзор позволяет говорить о том, что сегодня социология тела остается «зонтичным» термином, обозначающим набор самых разнообразных социологических подходов, теорий и методов изучения тех или иных аспектов телесности в различных социокультурных контекстах. Исследовательская область, которую призвана осваивать социология тела, фактически поделена между другими успешно развивающимися социологическими направлениями, получившими полноценное институциональное признание, — социологией медицины (социологией здоровья), социологией эмоций, социологией гендера и сексуальности, феминистской социологией и другими социологическими субдисциплинами, часть из которых мы смогли только упомянуть. Тенденция, которую мы наблюдаем сегодня, состоит в том, что социология тела, оставаясь в статусе «рубрики» исследований, эволюционирует в сторону, противоположную своей институционализации в качестве социологической субдисциплины.

В завершающей части статьи мы рассмотрели несколько классификаций теорий, используемых в исследованиях телесности. Три обозначенные основные классификации — философская, антропологическая и социологическая — имеют разные основания в виде соответствующих оппозиций — субъект/объект, культура/природа, структура/действие. Концептуальное поле социологии тела определяется, с нашей точки зрения, дихотомией структурализм/интерпретативизм, обозначающей две противоположные исследовательские программы. Феноменологический подход не является отдельной исследовательской социологической парадигмой, а термин «феноменология» не отражает разнообразие взглядов социальных исследователей телесности, противоположных положениям структуралистских теорий.

Социологическая классификация теорий телесности может послужить теоретико-методологической основой для уточнения предметной области социологии тела. Только обретя ясность в этом отношении, она может претендовать на статус самостоятельной субдисциплины. В этом качестве социология тела может, с одной стороны, объединить наработки более частных «телесно-ориентированных» социологических направлений, а с другой, — развивать целостное научное знание

о взаимной обусловленности социальных процессов и многообразных проявлений человеческой телесности.

#### ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ<sup>8</sup>

1. *Бардина С.М.* Психофармакологическое конструирование эмоций: Prozac против дуализма сознания и тела // Социология власти. 2017. № 3. С. 41–58. DOI: 10.22394/2074-0492-2017-3-41-58
2. *Богомяжкова Е.С.* Поворот к биологии: перспективы развития социологического знания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. № 1. С. 35–50. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2018.104
3. *Быховская И.М.* «Ното somatikos»: аксиология человеческого тела. М.: Эдиториал УРСС, 2000. — 208 с.
4. *Ваньке А.В.* Семантика маскулинной телесности в пространстве социальных различий: Дисс. ... канд. соц. наук: 22.00.01. М., 2013. — 227 с.
5. *Ваньке А.В.* Мужские тела, сексуальности и субъективности // Логос. 2018. Т. 28. № 4. С. 85–108. DOI: 10.22394/0869-5377-2018-4-85-105
6. *Вдовина И.С.* Морис Мерло-Понти: интерсубъективность и понятие феномена // История философии. 1997. № 1. С. 59–70.
7. *Гидденс Э., Саттон Ф.* Основные понятия социологии / Пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко; Под науч. ред. С. Гавриленко. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2018. — 336 с.
8. *Голод С.И.* XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб.: Алетейя. 1996. — 188 с.
9. *Гольман Е.А., Куракин Д.Ю.* Границы и регламентации в образах тела: культурсоциологический анализ // XIII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х кн. Том 2 / Отв. ред. Е.Г. Ясин. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 475–482.
10. *Гольман Е.А.* Телесный реализм как попытка преодоления проблемы структура/действие в социологии тела // Личность. Культура. Общество. 2014. Т. 16. № 3–4 (83–84). С. 159–164.
11. *Гольман Е.А.* Женская телесность: теоретические подходы и перспективы социологического исследования. Дисс. ... канд. соц. наук: 22.00.01. М.: Высшая школа экономики. 2015. — 239 с.
12. *Гольман Е.А.* Международная трансдисциплинарная конференция “Doing the Body in the 21st Century”. Питтсбург, Университет Питтсбурга, 31 марта – 2 апреля 2016 г. // ИНТЕР. 2016. № 11. С. 85–88.
13. *Гольман Е.А.* Телесные практики женщин в зеркале феминистской дискуссии // Логос. 2018. Т. 28. № 4. С. 129–156.
14. *Девятко И.Ф.* Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: Аванти плюс, 2003. — 336 с.
15. *Дмитриева Е.В.* От социологии медицины к социологии здоровья // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 51–57.
16. *Здравомыслова Е.А., Темкина А.А.* Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 15–23.
17. *Йоас Х.* Креативность действия / Пер. с нем. СПб.: Алетейя, 2005. — 320 с.
18. История тела: в 3-х т. / Под ред. А. Корбена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло; Пер. с фр. А. Гордеевой. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
19. *Ковалев А.Д.* Книга Ирвинга Гофмана «Представление себя другим в повседневной жизни» и социологическая традиция // Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. С. 5–26.

<sup>8</sup> Здесь и далее полные списки литературы, использованной в статье, включающие и русскоязычные, и иноязычные источники, указаны в References. — *Прим. ред.*

20. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / [Пер. с англ. Н.С. Розова]. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. — 1284 с.
21. Кон И.С. Мужское тело в истории культуры. М.: Слово/Slovo, 2003. — 432 с.
22. Кондаков А. Послесловие. Путеводитель по вселенным Джудит Батлер // Батлер Дж. Заметки к перформативной теории собрания. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. С. 219–230.
23. Круткин В.Л. Телесность человека в онтологическом измерении // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 143–151.
24. Круткин В.Л. Техники тела и движения человека // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Том XVII. № 2. С. 167–179.
25. Куракин Д.Ю. Модели тела в современном популярном и экспертном дискурсе: к культуросоциологической перспективе анализа // Социологическое обозрение. 2011. № 1–2. С. 56–74.
26. Литвина Д., Остроухова П. Дискурсивное регулирование женской телесности в социальных сетях: между худобой и анорексией // Журнал исследований социальной политики. 2015. Том 13. № 1. С. 33–48.
27. Михель Д.В. Тело в западной культуре. Саратов: Научная книга, 2000. — 171 с.
28. Михель Д.В. Медиализация как социальный феномен // Вестник СГТУ. 2011. № 4. Вып. 2. С. 256–263.
29. Мол А., Ло Дж. Воплощенное действие, осуществленные тела: пример гипогликемии // Логос. 2017. Т. 27. № 2 (117). С. 233–262.
30. Мол А. Множественное тело: Онтология в медицинской практике / Пер. с англ. Группы Cube of Pink (МГУ); Под науч. ред. А. Писарева, С. Гавриленко. Пермь: Гиле Пресс, 2017. — 254 с.
31. Орех Е.А. Феномен лукизма и возможности его социологического анализа // Социологический журнал. 2016. Том 22. № 3. С. 67–81. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.3.4585
32. Панкратова Л.С. Формирование сексуальной культуры молодежи в современном российском обществе. Дисс. ... канд. соц. наук: 22.00.06. СПб.: СПбГУ, 2015. — 181 с.
33. Подорога В.А. Феноменология тела: введение в философскую антропологию. Материалы лекционных курсов 1992–1994 гг. М.: Ad Marginem, 1995. — 339 с.
34. Про Тело. Молодежный контекст. Сб. статей / Под ред. Е. Омельченко, Н. Нартовой. СПб: Алетейя, 2013. — 282 с.
35. Ритцер Дж. Современные социологические теории / [Пер. с англ. А. Бойкова, А. Лисицыной]. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. — 686 с.
36. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Социология тела и социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 2. С. 115–137.
37. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Тело и дискриминация: инвалидность, гендер и гражданство в постсоветском кино // Неприкосновенный запас. 2011. № 2. С. 65–80.
38. Рубин Г. Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: Д. Буланин, 2000. С. 89–139.
39. Русанова А.А., Лукьянова Н.А. Образы нетипичной телесности в визуальной культуре // Дискурс. 2017. № 4. С. 21–31.
40. Садыков Р.А., Курленкова А.С. Онтологии тела и медицинской практики // Социология власти. 2017. № 3. С. 8–22. DOI: 10.22394/2074-0492-2017-3-8-22
41. Сергеева О.В. Конструируя тело в XXI веке...: обзор основных идей, прозвучавших на международной конференции в Университет Питтсбурга (31 марта – 2 апреля 2016 года) // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2016. Вып. 2. С. 121–124. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.210
42. Сивков Д.Ю. Множественное тело и этнографический релятивизм // Вестник Самарской государственной академии. Серия «Философия. Филология». 2015. № 2. С. 55–72.

43. Сивков Д.Ю. Свое или чужое? Создание тела в иммунологии // Логос. 2018. № 5. С. 249–286. DOI: 10.22394/0869-5377-2018-5-249-282
44. Симонова О.А. Базовые принципы социологии эмоций // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2016. № 4. С. 12–27. DOI: 10.21638/11701/spbu.12.2016.401
45. Сохань И.В. Производство женской телесности в современном массовом обществе: культ худобы и тирания стройности // Женщина в российском обществе. 2014. № 2. С. 68–77.
46. Тёмкина А. Новый быт, сексуальная жизнь и гендерная революция // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. С. 33–67.
47. Тёрнер Б. Современные направления развития теории тела / Пер. с англ. О. Оберемко // THESIS. 1994 [1991]. № 6. С. 137–167.
48. Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002. — 287 с.
49. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х / Пер. с англ. А.В. Гараджа. М.: Ад Маргинем, 2017. — 128 с.

Дата поступления: 16.04.2019.

---

**SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2019.**  
**VOL. 25. NO. 4. P. 9–27.** DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6814

**A.M. PIVOVAROV**

Department of Sociology of Culture and Communication, St Petersburg State University,  
St Petersburg, Russian Federation

**Alexander M. Pivovarov** — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor.

**Address:** 199034, St Petersburg, Smolny str., bl. 1/3, room 302.

**Phone:** +7 (921) 795-60-34. **Email address:** a.pivovarov@spbu.ru

## **SOCIOLOGY OF THE BODY IN SEARCH OF ITS IDENTITY: ANALYSIS OF RESEARCH PROGRAMS**

*Abstract.* The author poses the problem of the status of sociology of the body as an independent sub-discipline, putting forward the hypothesis that today this moniker only unites the spectrum of those sociological directions that are engaged in the study of separate theoretical and applied issues related to corporeality. This review allows for securing the trend towards fragmenting sociology of the body as a field of study and strengthening its status as a rubric for research, rather than a full-fledged area of sociology. In order to clarify the subject of sociology of the body and its correlation with other disciplines which study embodiment, three classifications of theories used in body studies are analyzed — philosophical, anthropological and sociological. Unlike other researchers, the author of this article considers the opposition of structuralism and interpretativism to be the most appropriate for designating opposing research programs in the sociological classification of body theories.

*Keywords:* sociology of the body; body studies; embodiment; structure/agency dilemma; structuralism; interpretativism.

**For citation:** Pivovarov A.M. Sociology of the Body in Search of its Identity: Analysis of Research Programs. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2019. Vol. 25. No. 4. P. 9–27. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6814

*Acknowledgements:* I express my deep gratitude to Professor V.V. Kozlovskiy, the head of the research project, participation in which served as the reason for writing the paper, as well as unknown reviewers who read previous versions of this text and made important comments, accounting of which allowed the work to be published.

## REFERENCES

1. Bardina S.M. Psychopharmacological construction of emotions: Prozac versus dualism of consciousness and body. *Sotsiologiya vlasti*. 2017. No. 3. P. 41–58. DOI: 10.22394/2074-0492-2017-3-41-58
2. Bogomyagkova E.S. A turn to biology: development perspectives of sociological knowledge. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*. 2018. No. 1. P. 35–50. (In Russ.) DOI: 10.21638/11701/spbu12.2018.104
3. Bykhovskaya I.M. “Homo somatikos”: *aksiologiya chelovecheskogo tela*. [“Homo somatikos”: Axiology of the human body.] Moscow: Editorial URSS publ., 2000. 208 p. (In Russ.)
4. Van’ke A.V. *Semantika maskulinnoi telesnosti v prostranstve sotsial’nykh razlichii: Diss. ... kand. sots. nauk: 22.00.01*. [The semantics of masculine physicality in the space of social differences. Thesis for the Degree of Candidate of Sociological Sciences: 22.00.01.] Moscow, 2013. 227 p. (In Russ.)
5. Van’ke A.V. Male bodies, sexualities and subjectivities. *Logos*. 2018. Vol. 28. No. 4. P. 85–108. (In Russ.) DOI: 10.22394/0869-5377-2018-4-85-105
6. Vdovina I.S. Maurice Merlot-Ponty: Intersubjectivity and the concept of phenomenon. *Istoriya filosofii*. 1997. No. 1. P. 59–70. (In Russ.)
7. Giddens E., Sattou F. Essential Concepts in Sociology. Second Edition. [Russ. ed.: *Osnovnye ponyatiya sotsiologii*. Transl. from Eng. by E. Rozhdstvenskaya, S. Gavrilenko; Ed. by S. Gavrilenko. Moscow: Izd. Dom Vysshei shkoly ekonomiki publ., 2018. 336 p.]
8. Golod S.I. *XX vek i tendentsii seksual’nykh otnoshenii v Rossii*. [XX century and trends in sexual relations in Russia.] St Petersburg: Aleteiya publ. 1996. 188 p. (In Russ.)
9. Gol’man E.A., Kurakin D.Yu. Borders and regulations in body images: cultural and sociological analysis. XIII *Aprel’skaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva: v 4-kh kn.* [XIII April International Scientific Conference on the problems of economic and social development: in 4 vol.] Vol. 2. Ed. by E.G. Yasin. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki publ., 2012. P. 475–482. (In Russ.)
10. Gol’man E.A. Body realism as an attempt to overcome the structure / action problem in the sociology of the body. *Lichnost’. Kul’tura. Obshchestvo*. 2014. Vol. 16. No. 3–4 (83–84). P. 159–164. (In Russ.)
11. Gol’man E.A. *Zhenskaya telesnost’: teoreticheskie podkhody i perspektivy sotsiologicheskogo issledovaniya. Diss. ... kand. sots. nauk: 22.00.01*. [Female corporeality: theoretical approaches and prospects of sociological research. Thesis for the Degree of Candidate of Sociological Sciences: 22.00.01.] Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki publ., 2015. 239 p. (In Russ.)
12. Gol’man E.A. *Mezhdunarodnaya transdistsiplinarnaya konferentsiya “Doing the Body in the 21st Century”*. [International Transdisciplinary Conference “Doing the Body in the 21st Century”.] Pittsburg: Universitet Pittsburga, 31 March – 2 April 2016. *INTER*. 2016. No. 11. P. 85–88. (In Russ.)
13. Gol’man E.A. Body practices of women in the light of feminist debates. *Logos*. 2018. Vol. 28. No. 4. P. 129–156. (In Russ.)
14. Devyatko I.F. *Sotsiologicheskie teorii deyatel’nosti i prakticheskoi ratsional’nosti*. [Sociological theories of activity and practical rationality.] Moscow: Avanti plyus publ., 2003. 336 p. (In Russ.)
15. Dmitrieva E.V. From the sociology of medicine to the sociology of health. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2003. No. 11. P. 51–57. (In Russ.)
16. Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. Sociology of gender relations and gender approach in sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2000. No. 11. P. 15–23. (In Russ.)
17. Ioas Kh. The Creativity of action. [Russ. ed.: *Kreativnost’ deistviya*. Transl. from Germ. St Petersburg: Aleteiya publ., 2005. 320 p.]
18. *Istoriya tela: v 3-kh t.* [Body History: in 3 volumes.] Ed. by A. Korben, Zh.-Zh. Kurtin, Zh. Vigarello; Transl. from French by A. Gordeeva. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2016. (In Russ.)
19. Kovalev A.D. The book of Erving Goffman “The presentation of self in everyday life” and the sociological tradition. Goffman E. The presentation of self in everyday life. [Russ. ed.: Goffman I. *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni*. Moscow: KANON-press-Ts, Kuchkovo pole publ., 2000. P. 5–26.]
20. Kollinz R. The sociology of philosophies: a global theory of intellectual change. [Russ. ed.: *Sotsiologiya filosofii: global’naya teoriya intellektual’nogo izmeneniya*. [Transl. from Eng. by N.S. Rozov]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf publ., 2002. 1284 p.]
21. Kon I.S. *Muzhskoe telo v istorii kul’tury*. [The male body in the history of culture.] Moscow: Slovo/Slovo publ, 2003. 432 p. (In Russ.)
22. Kondakov A. Afterword. Judith Butler’s Guide to the Universes. Butler J. Notes Toward a Performative Theory of Assembly. [Russ. ed.: Butler J. *Zametki k performativnoi teorii sobraniya*. Moscow: Ad Marginem Press publ., 2018. P. 219–230.]
23. Krutkin V.L. Human corporeality in the ontological dimension. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*. 1997. No. 4. P. 143–151. (In Russ.)

24. Krutkin V.L. Body techniques and human movements. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2014. Vol. XVII. No. 2. P. 167–179. (In Russ.)
25. Kurakin D.Yu. Body models in the popular and expert modern discourse: to the cultural sociology perspective of analysis. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2011. No. 1–2. P. 56–74. (In Russ.)
26. Litvina D., Ostroukhova P. Discursive regulation of female physicality in social networks: between thinness and anorexia. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*. 2015. Vol. 13. No. 1. P. 33–48. (In Russ.)
27. Mikhel' D.V. *Telo v zapadnoi kul'ture*. [Body in western culture.] Saratov: Nauchnaya kniga publ., 2000. 171 p. (In Russ.)
28. Mikhel' D.V. Medicalization as a social phenomenon. *Vestnik SGTU*. 2011. No. 4. Iss. 2. P. 256–263. (In Russ.)
29. Mol A., Lo Dzh. Mol A., Law J. Embodied Action, Enacted Bodies. The Example of Hypoglycaemia. *Logos*. 2017. Vol. 27. No. 2 (117). P. 233–262. (In Russ.)
30. Mol A. The body multiple: ontology in medical practice. [Russ. ed.: *Mnozhestvennoe telo: Ontologiya v meditsinskoj praktike*. Transl. from Eng.; Ed. by A. Pisarev, S. Gavrilenko. Perm': Gile Press publ., 2017. 254 p.]
31. Orekh E.A. The phenomenon of lookism and its sociological analysis. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2016. Vol. 22. No. 3. P. 67–81. (In Russ.) DOI: 10.19181/socjour.2016.22.3.4585
32. Pankratova L.S. *Formirovanie seksual'noi kul'tury molodezhi v sovremennom rossiiskom obshchestve*. Diss. ... kand. sots. nauk: 22.00.06. [The development of the sexual culture of youth in modern Russian society. Thesis for the Degree of Candidate of Sociological Sciences: 22.00.06.] St Petersburg: SPbGU publ., 2015. 181 p. (In Russ.)
33. Podoroga V.A. *Fenomenologiya tela: vvedenie v filosofskuyu antropologiyu. Materialy lektionnykh kursov 1992–1994 gg.* [Body Phenomenology: An Introduction to Philosophical Anthropology. Materials of lecture courses 1992–1994.] Moscow: Ad Marginem publ., 1995. 339 p. (In Russ.)
34. *Pro Telo. Molodezhnyi kontekst. Sb. statei*. [About Body. Youth context.] Ed. by E. Ormel'chenko, N. Nartova. St Petersburg: Aleteiya publ., 2013. 282 p. (In Russ.)
35. Rittser Dzh. Modern sociological Theory. *Sovremennye sotsiologicheskie teorii*. [Transl. from Eng. A. Boikov, A. Lisitsyna]. 5th ed. St Petersburg: Piter publ., 2002. 686 p. (In Russ.)
36. Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R. Sociology of the body and social policy. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2004. Vol. VII. No. 2. P. 115–137. (In Russ.)
37. Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R. Body and Discrimination: Disability, Gender and Citizenship in Post-Soviet Cinema. *Neprikosnovennyi zapas*. 2011. No. 2. P. 65–80. (In Russ.)
38. Rubin G. The Traffic in Women: Notes on the “Political Economy” of Sex. *Khrestomatiya feministikh tekstov. Perevody*. [Reading book of feminist texts. Translations.] Ed. by E. Zdravomyslova, A. Temkina. St Petersburg: D. Bulanin publ., 2000. P. 89–139. (In Russ.)
39. Rusanova A.A., Luk'yanova N.A. Images of atypical physicality in visual culture. *Diskurs*. 2017. No. 4. P. 21–31. (In Russ.)
40. Sadykov R.A., Kurlenkova A.S. Body ontologies and medical practice. *Sotsiologiya vlasti*. 2017. No. 3. P. 8–22. (In Russ.) DOI: 10.22394/2074-0492-2017-3-8-22
41. Sergeeva O.V. Doing the body in the 21st century...: A review of the main ideas voiced at an international conference at the University of Pittsburgh (March 31 – April 2, 2016). *Vestnik SPbGU. Seriya 12. Sotsiologiya*. 2016. Iss 2. P. 121–124. (In Russ.) DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.210
42. Sivkov D.Yu. Multiple Body and Ethnographic Relativism. *Vestnik Samarskoi gosudarstvennoi akademii. Seriya “Filosofiya. Filologiya”*. 2015. No. 2. P. 55–72. (In Russ.)
43. Sivkov D.Yu. Own or someone else? Creating a body in immunology. *Logos*. 2018. No. 5. P. 249–286. (In Russ.) DOI: 10.22394/0869-5377-2018-5-249-282
44. Simonova O.A. The basic principles of the sociology of emotions. *Vestnik SPbGU. Seriya 12. Sotsiologiya*. 2016. No. 4. P. 12–27. (In Russ.) DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.401
45. Sokhan' I.V. The production of female corporeality in modern mass society: the cult of thinness and the tyranny of harmony. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 2014. No. 2. P. 68–77. (In Russ.)
46. Temkina A. New mode of life, sexual life and gender revolution. *Novyi byt v sovremennoi Rossii: gendernye issledovaniya povsednevnosti*. [New mode of life in modern Russia: gender studies of everyday life.] St Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge publ., 2009. P. 33–67. (In Russ.)
47. Turner B. Bryan S. Turner. Recent Developments in the Theory of the Body. Transl. from Eng. by O. Oberemko. *THESIS*. 1994 [1991]. No. 6. P. 137–167.
48. Tkhostov A.Sh. *Psikhologiya telesnosti*. [The psychology of corporeality.] Moscow: Smysl publ., 2002. 287 p. (In Russ.)
49. Kharauai D. Manifesto for Cyborgs: Science, Technology, and Socialist Feminism in the 1980s. [Russ. ed.: *Manifest kiborgov: nauka, tekhnologiya i sotsialisticheskii feminizm 1980-kh*. Transl. from Eng. A.V. Garadzha. Moscow: Ad Marginem publ., 2017. 128 p.]
50. *A Companion to the Anthropology of the Body and Embodiment*. Ed. by F.E. Mascia-Lees. Chichester: John Wiley & Sons, 2011. 560 p.
51. Butler J. *Undoing Gender*. L.: Routledge, 2004. 273 p.
52. Chernin, K. *Womansize. The Tyranny of Slenderness*. L.: The Women's Press. 1983. 230 p.

53. Cregan K. *The Sociology of the Body: Mapping the Abstraction of Embodiment*. L.: SAGE Publications Ltd., 2006. 212 p.
54. Crossley N. Merleau-Ponty, the Elusive Body and Carnal Sociology. *Body and Society*. 1995. No. 1. P. 43–63. DOI: 10.1177/1357034x95001001004
55. Crossley N. Body techniques, agency and intercorporeality: On Goffman's Relations in Public. *Sociology*. 1995. No. 1. P. 133–149. DOI: 10.1177/0038038595029001009
56. Crossley N. Embodiment and Social Structure: A Response to Howson and Inglis. *The Sociological Review*. 2001. Vol. 49. No. 3. P. 318–326. DOI: 10.1111/1467-954x.00334
57. Cunningham-Burley S., Backett-Milburn K. Introduction. *Exploring the body*. Ed. by S. Cunningham-Burley, K. Backett-Milburn. New York: Palgrave, 2001. P. xii–xxi. DOI: 10.1057/9780230501966
58. Featherstone M. The body in consumer culture. *The Body: Social Process and Cultural Theory*. Ed. by M. Featherstone, M. Hepworth, B.S. Turner. L.: Sage publications, 1991. P. 170–196. DOI: 10.4135/9781446280546
59. Frank A. Bringing bodies back in: A decade review. *Theory, Culture and Society*. 1990. No. 7. P. 131–62.
60. Frank A. For a sociology of the body: an analytical review. *The Body: Social Process and Cultural Theory*. Ed. by M. Featherstone, M. Hepworth, B.S. Turner. L.: Sage publications, 1991. P. 36–102. DOI: 10.4135/9781446280546
61. Freund P. Bringing society into body. Understanding socialized human nature. *Theory and Society*. 1988. No. 17. P. 839–64. DOI: 10.1007/bf00161729
62. Giddens A. *Modernity and self-identity*. Stanford: Stanford University Press, 1991. 256 p.
63. Hochschild A. *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. Berkeley: University of California Press, 1983. 327 p.
64. Howson A., Inglis D. The body in sociology: Tensions inside and outside sociological thought. *The Sociological Review*. 2001. No. 4. P. 297–317. DOI: 10.1111/1467-954x.00333
65. Howson A., Inglis D. Sociology's Sense of Self: A Response to Crossley and Shilling. *The Sociological Review*. 2002. Vol. 50. No. 1. P. 136–139. DOI: 10.1111/1467-954x.00358
66. Howson A. *The Body in Society*. 2nd ed. Cambridge: Malden, 2013 [2004]. 258 p.
67. Kaplan G., Rogers L. The definition of male and female. Biological reductionism and the sanctions of normality. *Feminist Knowledge, Critique and Construct*. Ed. by S. Gunew. London: Routledge, 1990. P. 205–228.
68. Malacrida C., Low J. Introduction. *Sociology of the Body: A Reader*. Ed. by C. Malacrida, J. Low. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2016 [2008]. P. xi–xiv.
69. Nestle J., Howell C., Wilchins R. *GenderQueer: Voices from beyond the sexual binary*. N.Y.: Alyson Books, 2002. 299 p.
70. Nettleton S., Watson J. The Body in Everyday Life. Introduction. *The Body in Everyday Life*. Ed. by S. Nettleton, J. Watson. London: Routledge, 1998. P. 1–23. DOI: 10.4324/9780203006887
71. Nettleton S. Sociology of the Body. *The Blackwell Companion to Medical Sociology*. Ed. by W.C. Cockerham. Malden, Oxford: Blackwell Publishers Ltd., 2001. P. 43–63. DOI: 10.1111/b.9781405122665.2004.00005.x
72. O'Brien M. *Reproducing the World*. Boulder, CO: Westview Press, 1989. 306 p.
73. O'Neill J. *Five bodies: The Human Shape of Modern Society*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1985. 181 p.
74. Orbach S. *Fat is a Feminist Issue*. 3rd ed. L.: Arrow Books, 1998 [1978]. 304 p.
75. Richardson N., Locks A. *Body studies: The basics*. L. and N.Y.: Routledge, 2014. 145 p.
76. Scott S., Morgan D. Bodies in a Social Landscape. *Body Matters: Essays on the Sociology of the Body*. Ed. by S. Scott, D. Morgan. L.: The Palmer Press, 1993. P. 1–22.
77. Shilling C. *The Body and Social Theory*. 2nd ed. L.: SAGE Publications Ltd., 2003 [1993]. 238 p.
78. Shilling C. The Undersocialised Conception of the Embodied Agent in Modern Sociology. *Sociology*. 1997. Vol. 31. No. 4. P. 737–754. DOI: 10.1177/0038038597031004006
79. Shilling C. Embodiment, Experience and Theory: In Defence of the Sociological Tradition. *The Sociological Review*. 2001. Vol. 49. No. 3. P. 327–344. DOI: 10.1111/1467-954x.00335
80. Shilling C. *The Body in Culture, Technology and Society*. L.: SAGE Publications Ltd., 2005. 247 p.
81. Shilling C. The rise of body studies and the embodiment of society: A review of the field. *Horizons in Humanities and Social Sciences: An International Refereed Journal*. 2016. No. 2 (1). P. 1–14. DOI: 10.19089/hhss.v2i1.39
82. Turner B.S. *Regulating Bodies: Essays in medical sociology*. L.: Routledge, 1992. 28 p.
83. Turner B. *The Body and Society. Explorations in Social Theory*. 3rd ed. Los Angeles: SAGE Publications, 2008 [1984]. 285 p.
84. Waskul D., Vannini P. Introduction: The Body in Symbolic Interaction. *Body/embodiment: Symbolic interaction and the sociology of the body*. Ed. by D. Waskul, P. Vannini. Hampshire: Ashgate, 2006. P. 1–18. DOI: 10.4324/9781315569635
85. Williams S.J., Bendelow G. *The Lived Body. Sociological Themes, Embodied Issues*. L.: Routledge, 1998. 272 p. DOI: 10.4324/9780203260241